

© 2003 г.

Ю.Ю. СИНЕЛИНА

О ЦИКЛАХ ИЗМЕНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ ОБРАЗОВАННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (начало XVIII в. - 1917 г.)

СИНЕЛИНА Юлия Юрьевна - научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

В социологических обзорах состояния религиозности россиян в последнее время часто утверждается, что люди, называющие себя "верующими", "православными", на самом деле таковыми не являются: верят не так как надо. В этой связи представляется интересным выяснить, как верили люди, жившие в России в XVIII-XIX вв., когда православие было государственной религией и все русские считались православными.

В XVIII в. начинается процесс секуляризации страны, который в России совпал с процессом европеизации. Процесс европеизации проходили последовательно все слои русского населения, причем процесс этот мог идти долго - на протяжении нескольких поколений и не совпадал у разных слоев общества. Благодаря этому социальные различия внутри нации углублялись различиями духовной культуры и внешних культурных привычек [1, с. 245]. В виду особенностей российского исторического пути, речь о которых ниже, сначала высшие слои российского общества проходили через разные этапы секуляризации, находясь под сильнейшим влиянием европейской мысли; постепенно в этот процесс включалось остальное население России. Прежде всего, влияние процесса европеизации сказалось на отношении к религии, к православию. Россия двинулась от тотальной средневековой религиозности к секуляризованному обществу. Церковь и вера ушли на второй план, на смену религиозным ценностям пришли ценности утилитарные, менялся образ жизни, привычные формы поведения. Речь, безусловно, не идет обо всем населении России, а о тех слоях общества, которые были задействованы в реформах - прежде всего о дворянстве. Дворянство было первым общественным слоем России, вступившим на путь секуляризации-европеизации, и на этом пути представляется возможным выделить несколько характерных этапов. Следует отметить, что дворянство не было однородным общественным слоем, поэтому различные его слои находились на разных этапах этого процесса. Вслед за дворянством в этот процесс втягивались новые слои образованного общества, нарождающаяся русская интеллигенция.

В истории страны видится три больших цикла секуляризации: первый цикл - процесс секуляризации в дворянстве и части интеллигенции, второй цикл - этот процесс идет в средних слоях общества: разночинцы; третий цикл - в среде рабочих и крестьян. Поскольку в России секуляризация шла параллельно европеизации и во многом именно последней была вызвана, те же три цикла имели место в процессе европеизации. Но особенно примечательным представляется то, что эти процессы в разных слоях общества имели общие черты. Каждый общественный слой проходил через увлечение одними идеями, которые с течением времени, меняя исторический, философский подтексты, сути не меняли. Эта идея высказана П. Рябушинским [2, с. 77].

Часть общественного слоя, следуя через определенные этапы процесса секуляризации-европеизации, показанные ниже, возвращалась к православию и православной культуре, по-новому осмысленным, благодаря европейскому исторически-философскому материалу. Другая

часть окончательно встраивалась в контекст секулярного варианта западной культуры, осваивая и по-своему развивая плоды ее интеллектуальной деятельности. Этапы цикла секуляризации: тотальная религиозность - религиозная индифферентность или атеизм - мистицизм или религиозный синкретизм - возродившаяся церковная религиозность или окончательная секуляризация. Цикл европеизации состоит из этапов: русская православная культура - утилитаризм - разные формы вольнодумства - идейная эклектика (метафизика, трансцендентализм, немецкий идеализм) - православная культура или окончательная европеизация. Указанные этапы (фазы) цикла часто сосуществуют во времени, но порядок их появления такой.

Ниже на материале истории процесса секуляризации-европеизации дворянства и интеллигенции сделана попытка продемонстрировать цикличность этого процесса и выявить некоторые его черты. Предварительно отмечу: изменение мировоззрения значительной части общества предполагает существование проводников новых взглядов, людей, которые эти взгляды популяризируют и распространяют. Но мировоззрение конкретного человека может претерпевать эволюцию, причем кардинальную: от атеизма к мистицизму, от философского пантеизма к атеизму или православию. И часто можно встретить в истории персонажи, которые прошли несколько различных этапов. Так и в обществе какая-то часть остается с раз навсегда усвоенными идеями, а какая-то движется в ином направлении. И еще одно замечание: я буду касаться, прежде всего, изменения религиозности верхних слоев общества и интеллигенции до революции 1917 года. Именно в 1917 г. обрывается путь секуляризации, пройденный верхними слоями общества России. В дальнейшем высших слоев общества в дореволюционном смысле слова в России не существовало. Кроме того, в культурном, образованном слое легче отследить перемены мировоззрения конкретного человека.

С реформ Петра I в России государство перестало быть органом Церкви, ведущей людей здесь на земле к потустороннему спасению души. Высшей целью стало не царство небесное, а улучшение земного благоденствия, общее благо. Этой земной задаче должно быть подчинено все сущее на данной территории и под данной властью. Власть государства абсолютна. Религия, церковь, духовенство - это специальные функции общего дела граждан во имя общего блага. Церковь была обезглавлена и лишена собственного органа власти. Петр усвоил государственно-правовое мировоззрение в духе естественного права, в то время распространенного в Европе.

Ю. Лотман замечал, что государственная служба приобретала для Петра почти религиозное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме Государства. Работа была для него молитвой. И вся дворянская государственность этих лет настолько занята земными делами, что у нее не оставалось времени размышлять о "потусторонних" вопросах [3, с. 20]. Петровская эпоха отмечена идеей группового бытия. Человек как бы растворялся в государстве. Забота о душе казалась незначимой перед лицом государственной жизни. Г. Флоровский характеризовал первое Петровское поколение как воспитанное на началах служилого утилитаризма. Новые люди привыкают и приучаются все свое существование осмысливать только в категориях государственной пользы и общего блага. "Табель о рангах" заменяет и символ веры, и самое мировоззрение... Нравственная восприимчивость притупилась. Религиозная потребность заглохла" [4, с. 114]. Многие "птенцы гнезда Петрова", такие как И.И. Неплюев (1693-1773 - государственный деятель, дипломат, автор записок), В.Н. Татищев (1686-1750 - государственный деятель, историк, мыслитель), М.П. Аврамов (1681-1752 - государственный деятель), искренне восприняли призыв Петра трудиться на благо государства. Их биографии - примеры распространенных тогда типов религиозного сознания людей, принявших активнейшее участие в реформах. Как правило, они обучались за границей или направлялись туда с определенной миссией и, в отличие от многих других, действительно получили там прочные знания и почувствовали себя европейцами. Они полностью воспринимали идеологию патриотизма, как "труд" и "общенародие", были умелыми дельцами - знали свое дело, нужны были государству, потому что хорошо работали. В пылу этого служения жизнь духовная отступала на второй план, на нее не было времени, или она не воспринималась как важная часть жизни. Такие люди, слуги государя и государства, не знали сомнений.

М.П. Аврамов в восемнадцать лет оказался за границей и успешно делал карьеру. Его увлекла атмосфера насыщенной событиями жизни, расшатывания запретов, простора для деятельности, соблазнительной беспринципности и вседозволенности, которые царили в узком кругу приближенных к императору. До поры до времени его совесть молчала. Но произошли события, заставившие Аврамова в корне переменить отношение к собственной деятельности. Он осознал, насколько его жизнь, дела, мысли, убеждения противоречат вере отцов. Его пронзила мысль о греховности своей деятельности и существования.

Новую форму общественной жизни, уже давно распространившуюся в Европе и появившуюся в высшем обществе России в начале XVIII в., дворцовый крестьянин И.Т. Посошков (1652-1726 - экономист, публицист, автор книги "О скудости и богатстве") назвал "светским житием". Люди "проводят время до полуночи, а то и до света в скакании и танцевании без сна; пьют с музыками и в карты играют". Посошков формулирует в одном из своих писаний практический "атеизм": нет ни Бога, ни души, ни бессмертия, ни вечных мук, - на который могло бы опереться "светское житие" [5, с. 200].

"Светское житие", по оценке историка П.Н. Милюкова, прямое следствие реформы. Люди, подчинившиеся этому факту добровольно или невольно, чаще всего не думали, что изменяют старому мировоззрению и являются выразителями чего-то нового. Переходным мостом от старого к новому мировоззрению явился религиозный индифферентизм, то есть отсутствие потребности в целом религиозном мировоззрении, следовательно, и в атеизме. Вовлеченная в новое культурное движение общественная среда в огромном большинстве не могла усвоить (и не нуждалась в нем) новое мировоззрение, которое бы на религиозных началах устраивало его отношение к новым основам жизни. Ей нужна была скорейшая выработка и усвоение нового кодекса жизни, правил "житейского обхождения", - новых привычек, которые помогли бы выделиться из остальной массы и войти в роль привилегированного общественного слоя, каким сделал ее исторический процесс [5, с. 207].

Теоретическое оправдание "светского жития" было найдено В.Н. Татищевым в теории "естественного закона" веры и жизни. В сочинении "Разговор о пользе наук и училищ" В.Н. Татищев представил первую в России принципиальную защиту "светского жития", в которой достаточно далеко ушел от православия. Вернувшийся из-за границы молодой Татищев был почти атеистом, и тем интереснее проследить эволюцию его взглядов. В своей "Духовной к сыну" (1734) он практически возвращается в лоно Церкви, пытается примирить свою критику с традиционными формами веры и жизни.

По мнению П. Милюкова, в целом общественном слое традиционные формы веры, неприспособленные к новым формам жизни, отмирали мало-помалу, оставляя пустоту, нечувствительную для большинства и поэтому не заполненную своевременно никакими новыми формами. От бессознательной веры ему гораздо легче было перейти к бессознательному неверию. Церковная же обрядность никому не мешала и могла оставаться [5, с. 220].

Европеизируясь, дворянство перенимало французский язык, моду, манеры, литературу, которая в это время получила особое направление. Это был, прежде всего, Вольтер и основные труды деятелей Просвещения. Скептицизм, ирония, критика общественного строя, осмеяние суеверий, насмешки над религией, преклонение перед разумом, отрицание чудес - вот основные идеи этой полосы времени. Часто увлечение вольтеризмом сводилось к богохульству и кощунству. Увлечение французскими просветителями шло с самого верха. Одним из главных проводников идей Просвещения была Екатерина II. При этом она демонстрировала благочестие с убеждением, что таков долг монарха пред верой народа.

Ввиду указанных причин, новые идеи не встретили в дворянской среде никакого противодействия, но и никакой серьезной подготовки к их действительному усвоению. Это была новая мода, новый элемент для отличия благородного состояния от "подлого", наравне с покровом платья и французской речью. Новые идеи служили доказательством утонченного образования в высших кругах светского общества. Какой-нибудь князь X или граф Y сообщал в кружке гостей самую последнюю парижскую новость, привезенную с только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказывается, вовсе нет, а попы и монахи - просто шарлатаны. Эти самоновейшие открытия "философов" разносились сливками петербургского общества с таким же усердием, с каким они привыкли разносить городские сплетни и слухи. Сам обер-прокурор Синода П. Чебышев не стеснялся открыто, при толпе народа, афишировать свой атеизм: "да никакого Бога нет!" [5, с. 342]. Этот вольтеризанский нигилизм надолго сохранился в русском обществе.

По отношению к подлинному вольтеризму русская интеллигенция, выпускники первых университетов, заняла совершенно иную позицию, чем высшее дворянское общество. Многие из юных адептов новой философии принимали ее на веру и спешили даже превзойти учителей смелостью суждений. Молодым дворянам из провинции, приехавшим в Петербург на службу, импонировала пропаганда великосветских атеистов. Но зато большинство из них в один прекрасный день возвращались к вере или к религиозному индифферентизму отцов и смеялись над своими безбожническими суждениями как над проказами молодости. Московский главнокомандующий Брюс говорил, что "в некоторых чинах и летах уже непристойно сим заниматься" [5, с. 344].

Совершенно иное влияние имели новые идеи на более глубокие и подготовленные натуры из той же дворянской молодежи. Под первым ошеломляющим впечатлением они принимали часто целиком новую веру. Но переход от старой веры совершался слишком быстро, чтобы быть прочным и окончательным. Молодежь этого поколения (70-80 гг. XVIII в.) вынуждена была выбирать между старой и новой верой, чувствовала, что критическая мысль может поколебать самые коренные основы старой веры. В конце XVIII в. в России была зафиксирована целая серия самоубийств. Самоубийства на почве глубокого пессимизма, питавшегося противоречием между идеалами и русской действительностью стали в эти годы явлением, которое, в отношении к общему составу "книжной" молодежи, можно считать массовым. В посмертных записках часто декларируется полный атеизм [3, с. 217]. Многие, напуганные собственной крайностью взглядов, ударялись в идеализацию старины. Одним из таких юношей был Фонвизин. И князь М.М. Щербатов (1733-1790 - историк, философ, публицист, государственный деятель), в прошлом деист и человек рационалистических взглядов, оплакивает упадок веры и традиционного мировоззрения, не замененного ничем другим.

Тот же внутренний процесс, но с иным результатом происходил у другого представителя тогдашней интеллигентной молодежи. Князь ИВ. Лопухин (1756-1816 - государственный деятель, публицист, один из руководителей русского масонства) пошел дальше, чем Фонвизин, и в отрицательной, и в положительной фазе своих убеждений. От "злоупотребления разумом" Лопухин искал спасения в вере. Но это не была патриархальная вера отцов. Идейная молодежь стремилась к очищенному, одухотворенному пониманию веры. Отвергнув "вольтерянство", она переходила, как Фонвизин, не в ряды "стародумов", а к масонству. В смысле теории, цельного мировоззрения, масонство было выходом для молодого поколения, которое остановилось в колебании между новой и старой верой. Не только лидер русских масонов, Новиков "попал в общество (масонов) потому, что находился на распутье между вольтерянством и религией и не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие" [5, с. 346]. Масонство являлось желанным и потому, что представлялось вполне совместимым с самыми строгими требованиями православия. На запрос немецких масонов московские братья однажды формально заявили, что "обряды греко-русской церкви так сходны с масонскими, что нельзя сомневаться в том, что они имеют один источник" [15, с. 346]. Интеллигенция видела в масонстве веру, но веру, просветленную разумом. Масонство было для нее своего рода духовным христианством, выходом из тяжелой борьбы двух крайних мировоззрений.

К концу семидесятых годов XVIII в. масонское движение охватывает почти весь культурный слой. Русское масонство было очень разным. Первые русские ложи были, в сущности, кружками деистов, исповедовавших разумную мораль и естественную религию, стремившихся к моральному самопознанию. Мистицизм появляется несколько позже. Масонство - это некий орден, прежде всего светский и тайный, с очень строгой дисциплиной, не только внешней, но и внутренней. Мистическое масонство было внутренним противодействием Просветительскому духу. Активно распространялась мистическая литература, в основном переводная, прежде всего, западные мистики, "герметические авторы", церковная литература. Русская интеллигенция получила целую систему мистических взглядов, включилась в западную мистическо-утопическую традицию.

Отношение екатерининского масонства к Церкви было двойственным. Во всяком случае, внешнего благопочтения масоны никогда явно не нарушали. Многие из них исполняли все Церковные "должности" и обряды. Но они шли от "исторического" христианства к духовному или "истинному", из видимой Церкви в Церковь "внутреннюю", каковой масоны и считали свой орден. Это александрийская мечта об эзотерическом круге избранников и посвященных, хранящих тайные предания - истина открывается только немногим и избранным, в порядке чрезвычайного озарения [4, с. 122].

Разгром масонства в конце царствования Екатерины сменился в царствование Павла I и Александра I новым подъемом мистицизма и пиетизма, чему способствовала историческая обстановка. Отечественную войну с Наполеоном многие восприняли как Апокалиптическую борьбу. Александр I рано проникся мистическими идеями. Доверенные люди государя, Голицын и Сперанский, были близки духовному христианству. Священный Союз был задуман как предварение Тысячелетнего Царства. Во исполнение обета "служения Единому Господу Спасителю" было образовано "Министерство духовных дел и народного просвещения", - скорее министерство религиозно-утопической пропаганды, учреждавшееся с тем, "дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения". Это был замысел религиозного возглавления культуры [4, с. 132].

Новое министерство было личным ведомством кн. А.Н. Голицына, сподвижника Александра, который обратился в "универсальное христианство". Государство вновь осознает себя священным и сакральным, претендент на религиозное главенство, навязывает собственную религиозную идею. Александр исповедовал смешанное христианство и во имя этой "всеобщей" религии претендовал властвовать и править. Всем вероисповеданиям Российской империи внушалось приспособляться к этой всеобщей идее, к своему месту в системе. "Сугубое министерство" должно было объединить все исповедания или "церкви" не только общим делом, но и в едином вдохновении. Государство стремится усилить и обострить религиозные потребности в массах. По мнению Чистовича, князь Голицын стремился "вывести народ из того усыпления и равнодушия в деле веры, какое казалось ему почти повсюдным, пробудить в нем высшие духовные инстинкты, и чрез распространение священных книг ввести в него живую струю внутреннего понимания христианства" [4, с. 134-135]. Проповедовалось "внутреннее христианство".

Мистическое напряжение чувствуется в обществе с самого начала XIX в. Оживают и вновь открываются масонские ложи. Возобновляется мистическое книгоиздательство. Мистицизм становится общественным течением и одно время пользуется правительственной поддержкой. В биографиях людей того времени нередко встречается "мистический период" или эпизод. Важны не догматы и видимые таинства, а жизнь сердца. Истинно-вселенское или "универсальное" христианство расплывается в некую сверхвременную и сверхисторическую религию, одну и ту же у всех народов и во все времена. И в книге Натуры и в Писании, и у Пророков, и в мистериях и мифах, и в Евангелии - Единая религия сердца. Для этой мистики характерно резкое различие степеней. Только низший класс людей, едва оглашенных, доводится к божественным обрядам благочестия в исторических церквях [4, с. 137]. Масонство можно определить как религиозный синкретизм на почве христианства: "мистицизм", "пиетизм", "квиеизм", "универсальное христианство", "духовное христианство", "неоплатонизм".

Филарет Московский в мистических мечтаниях чувствовал живую религиозную потребность, жажду духовного наставления, которое потому только толкало на незаконные пути, что "не довольно был устроен путь законный" [4, с. 170]. Российское высшее общество воспитывалось французскими учителями и гувернерами (часто иезуитами). Многие с трудом изъяснялись по-русски, не понимали язык богослужения. Русское духовенство в гостинице не пускали. Застенчивые, неопытные, они не обладали необходимыми манерами, знаниями, не могли выслушать исповедь на французском языке. Народный язык сделался чужим, своя вера упала до уровня всякой иной веры. Положение стало меняться с Отечественной войны 1812 г.

Начиная с 20-х годов XIX в. в образованном обществе в Москве, в Московском университете начинается увлечение философией, которое продолжается до середины 50-х годов. Проповедь философского идеализма получает значение общественного события, вбирая в себя религиозный пафос, и замещает собой религию. Из философских кружков выходят деятели, надолго определившие тенденции дальнейшего культурного развития: "славянофилы" и "западники", разделение между которыми происходит в середине 40-х годов. Для одних открылся путь в Церковь. Для других это было продолжение пути в русле европейской традиции. Эти раскол, поляризация русской культурной элиты происходили на религиозном уровне.

Со "славянофильства" и Гоголя начинается духовное возвращение в церковное православие верхнего культурного слоя страны, приходит новый опыт - опыт церковности. У каждого из "славянофилов" был свой жизненный путь. И. Киреевский, увлекавшийся романтизмом и шеллингианством, в молодости был совершенно чужд христианства и к вере пришел под влиянием жены и ее духовника. К. Аксаков и Ю. Самарин прошли через увлечение гегельянством. Только Хомяков с самого начала был церковен и православен. В славянофильстве звучит голос "интеллигенции", а не "народа", - голос нового культурного строя, прошедшего через соблазн "европеизма". Одна из главных идей славянофильства - построение цельного мировоззрения на основе православного церковного сознания. Одна из главных задач - борьба с духом секуляризма, рационализмом. Идеи Хомякова о православной церкви привлекали очень многих к православию. Здесь первый цикл секуляризации-европеизации дворянства и старой интеллигенции подходит к концу. Эти люди стали идеологами нового общественного движения - возвращение в православную культурную традицию и веру.

Многим представителям "западничества", по крайней мере, в 1830-е гг., свойственна личная религиозность: Станкевич, Герцен, Белинский, Бакунин. Но это была, как правило, секулярная внецерковная романтическая религиозность, основанная на внецерковном христианстве, на философском пантеизме, вере в Абсолют, вечный Дух, на других философских построениях. Стремление утвердить справедливые социальные отношения, создать нормальные условия для

каждой личности приводят к социализму. Практически все эти люди пришли к атеизму; европеизировались и освободились от влияния церкви, приняли западные социалистические идеи и понесли их в массы.

Николай I ориентировал внутреннюю политику на "замораживание" России. В этом деле приоритетное значение царь придавал государственному влиянию на церковную жизнь. Николай был первым из российских императоров, который озаботился тем, чтобы укрепить позиции не какого-то абстрактного христианства, а именно православия, и не только среди простого народа. Проблема была в том, что делал он это казенными методами, хотя сам был искреннее верующим православным христианином. Укрепление господствующего и первенствующего положения православной церкви стало одной из важнейших задач с первых месяцев его царствования. В отличие от Александра I, Николай не увлекался мистическими идеями. В своих отношениях с церковными деятелями он был прагматичен. Николай начал свое прямое вмешательство в дела церкви с мер, которые были призваны укрепить моральный авторитет священнослужителей. От приходских священников до епископов началась чистка. Приняты были меры по укреплению православной церкви, усилению ее первенствующего значения. Обер-прокурор Протасов добился существенного увеличения финансовых затрат на содержание церкви; увеличилось число епархий; с 1825 по 1850 г. выросло количество церквей на 42%, численность белого духовенства - на 12,6%, общее число монашествующих - на 36,7% [6, с. 334]. Уделяется особое внимание обучению сельского священства. Идет активизация миссионерской деятельности, а также напряженная работа по удержанию населения в православии. По официальным данным отчетов обер-прокурора, процент не бывших у исповеди "по нерадению" за десятилетие с 1842 по 1852 г. возрастал. В 1842 г. 8,2% православного мужского населения и 7% женского не исповедовались "по нерадению", а в 1852 г. соответственно -9,1% и 8%. Примерно 2-3 млн. человек демонстрировали безразличие к выполнению важной обязанности верующего, - без учета зарегистрированных "раскольников" [6, с. 337]. В 1859 г. духовное ведомство расследовало проявления религиозной жизни в среде 51 474 200 православных в России. Оказалось, что из них причащаются и исповедуются только 68%. "По небрежности" не исповедывались и не причащались 6,6%. Для 1,6% причины уклонения признаны "удовлетворительными". Определены около трех миллионов скрытых раскольников; к ним следует прибавить известный процент сектантов (хлысты), которые с особым усердием соблюдали церковные обряды и таинства [7, с. 200].

Ю. Самарин выделяет для середины XIX в. четыре типа неверия: неверие научное, которое исповедует незначительная часть общества (Грановский, Белинский, Добролюбов с учениками). Мир более менее грамотный и читающий только отчасти испытал на себе влияние науки, получая от нее общее настроение и тон. На эту среду действовало гораздо сильнее, заодно с наукой, неверие казенное. "Когда официальный консерватизм, под предлогом охранения веры, благочестивой заботы о ее нуждах, мнет и душит ее в своих бесцеремонных объятиях, давая понять, что он дорожит ею ради службы, которую она несет, в обществе распространяется мнение, что иного от веры и ожидать нельзя и что таково ее назначение. Это убивает всякое уважение к вере... Требование от веры полицейской службы есть не что иное, как своего рода проповедь неверия" [8, с. 7-11]. Еще было неверие житейское, бытовое - как свойство общественного темперамента, предопределенное нарушением исторической преемственности. И последнее, неверие - от недоразумения, вызванное недостатками церковного быта того времени.

Л. Толстой выделял в образованном обществе четыре категории. Первая - очень небольшая группа - люди глубоко религиозные, бывшие раньше масонами, иногда шедшие в монахи. Вторая - процентов семьдесят - люди, исполнявшие по привычке церковные обряды, но в душе совершенно равнодушные к религиозным вопросам. Третья - люди неверующие, официально исполнявшие обряды по необходимости; четвертая - вольтерьянцы, неверующие, открыто выражавшие неверие (2-3%) [9, с. 20-21].

Шестидесятые годы XIX в. - время великих реформ, общественных изменений, либеральных послаблений. Падение крепостного права внесло перемену в русский общественный порядок: ослабление позиций дворянства и начало демократизации русского общества. Лишь после освобождения крестьян в России начался подъем средних классов, который шел в Европе столетиями. Русская интеллигенция стала идейно влиятельной. Сводившиеся к прогрессивным членам дворянства, ряды интеллигенции быстро множилось за счет профессионалов и представителей средних классов. Места просвещенного дворянства занимались интеллектуалами среднего класса, менее культурными и более радикальными в социальных и политических воззрениях. С появлением элементов среднего класса интеллигенция приобрела опреде-

ленное групповое сознание и стала становым хребтом оппозиции [10, с. 321-322]. Новые социальные группы, преобладавшие в рядах интеллигенции, принесли с собой новые идеи - нигилизм, своей главной целью имевший освобождение индивида от сложившихся установлений, то есть от культуры. Со временем он оформился в социальное движение народничества. С. Франк назвал это движение, характерное для русской интеллигенции с 1870-х годов до революции 1905 г., нигилистическим утилитаризмом, поскольку он "отрицает все абсолютные ценности и единственную нравственную цель усматривает в служении субъективным, материальным интересам "большинства" (народа), морализм, требующий от личности строгого самопожертвования, безусловного подчинения собственных интересов делу общественного служения, и противокультурную тенденцию" [11, с. 161-162]. Снова отрицаются ценности старой культуры. В новом утилитаризме преобладает идея гражданского долга, на этот раз, выраженная в необходимости народного счастья. Символ веры русского интеллигента - благо народа. Типичный интеллигент был безразличен либо враждебен к религии. Большинство стояло на позициях атеизма.

Начался второй цикл секуляризации-европеизации для новой интеллигенции из средних слоев общества. Идеологами нового движения были Чернышевский, Писарев, Добролюбов. Источником их взглядов в культе научности - сциентизме. Отрицаются ценности культуры и утверждается ценность науки. Именно с 60-х годов XIX в. под влиянием позитивизма получает распространение русское "просвещенчество" с культом науки и стремлением к широкому распространению этих знаний. Характерно, что Чернышевский и Добролюбов были детьми священников. В процессе секуляризации-европеизации они проходили полосу антикультурной направленности, и, очевидно, их статьи получали такой мощный отклик в среде русской интеллигенции потому, что слишком многие проходили эту фазу. К 1875 г. среди студентов университетов страны 46% составили бывшие семинаристы [12, с. 357]. Новые слои русского общества - разночинцы - начали новый цикл европеизации-секуляризации в России.

Александр III был убежденным консерватором. Его консервативный охранительный курс проводился до конца царствования и был завещан Николаю II. В значительной степени эта политика была оформлена и вдохновлена обер-прокурором Синода К. Победоносцевым, которого можно назвать философом самодержавия и консерватизма. Под его влиянием была возрождена и получила новую силу в своем практическом применении формула "православие, самодержавие, народность".

Процесс возвращения в православную культуру и религию, начатый славянофилами, получил продолжение в 70-х и 80-х годах XIX в., когда возникли течения, развивавшие свои философские построения, исходя из религиозного мировоззрения: "почвенничество" (А. Григорьев, Н. Страхов, Ф. Достоевский), Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов. В Соловьев пытается религиозно осмыслить и религиозно осветить путь философии. Он приблизил к секулярному мышлению содержание христианской веры и этим помог сдвигу, который проявился в русской философии после него. Ф. Достоевский и Л. Толстой очень много сделали для пробуждения и распространения в умах интеллигенции и широких кругов общества религиозных настроений.

Характерной особенностью жизни церкви в 80-90-х годах было заметное расширение церковной печати и быстрый рост числа всевозможных церковных обществ и православных братств. В последние годы жизни В. Соловьева появились неоромантические философы, протестовавшие против позитивистского и эмпирического направления предыдущего поколения. Русская интеллигенция и на этот раз следовала за Западом. В первой стадии протест начался с противопоставления позитивизму - "идеализма". Под идеализмом понималась не только идеалистическая философия, но и восстановление в правах этических и эстетических норм. Пути для выражения своих взглядов они нашли во вновь образовавшихся философско-психологических обществах, на университетских кафедрах и в печати. Поощренные Соловьевым, на расширенном им поле, авторы переходили здесь от "идеализма" философии - к религии. Переходили от марксизма (С. Франк, С. Булгаков), от нищезанятия (Н. Бердяев). Из этого же круга вышли последователи Соловьева и продолжатели его дела: братья князя Трубецкие.

Религиозно-философские настроения этой части интеллигенции раздвоились и пошли по разным руслу. Наиболее проникшаяся богословскими идеями небольшая группа мыслителей, преимущественно в Москве, продолжала дело сближения философии с положительной религией, начатое Трубецкими. Другое течение было свободнее в области религиозно-философского новаторства. Это течение было особенно выражено в Петербурге, где по инициативе Мережковского было организовано в 1902 г. "религиозно-философское общество", привлекавшее в течение двух следующих лет большое внимание интеллигенции. Там была сдела-

на попытка сблизить и по возможности примирить традиционную церковную веру с современными религиозными мировоззрениями (В. Розанов, З. Гиппиус).

Важным этапом в этой общей тенденции было появление "веховских идей". "Вехи" провозгласили программу борьбы с материализмом и атеизмом. Кроме того, существовало течение русского богословия XX в., представленное С. Булгаковым и П. Флоренским. Начался русский духовный ренессанс, только у него не было широкой социальной базы. Завершался второй цикл процесса секуляризации-европеизации части интеллигенции, заключающийся в возвращении в православную религию и культуру новой интеллигенции, проводниками которого были, в частности, и "веховцы". Большая часть новой разночинной интеллигенции за ними не последовала, увлеченная западными философскими и политическими идеями преобразования общества.

В начале XX в. многие отмечали подъем религиозности в "образованном обществе" в сторону православия. При этом существенная часть общества снова, как и столетие назад, была охвачена мистицизмом. Увлекались восточными религиями, теософскими идеями, оккультизмом. Получила распространение антропософия, теософия Блаватской, система Гурджиева, - особенно в среде творческой интеллигенции (символизм, декадентство). На пороге веков вновь встречаемся с религиозным синкретизмом.

Что касается процесса возрождения православного чувства среди интеллигенции, то многие из оставшихся в революционной России были просто уничтожены, а в эмиграции, куда попала существенная часть интеллигенции, очень многие воцерковились. О последнем свидетельствовали многие представители русской эмиграции (В. Зеньковский, П. Рябушинский). Н. Бердяев в 1926 г. писал, что народ в значительной массе своей уходит в полупросвещение, материализм и социализм, переживает увлечение марксизмом, дарвинизмом, а интеллигенция, верхний культурный слой, возвращается к христианской вере [4, с. 505].

Мы предполагаем, что смену традиционного религиозного мировоззрения в процессе секуляризации-европеизации в России можно представить определенной схемой. Начало секуляризации-европеизации, переход от старой культуры к новой сопровождается периодом крушения старой культуры и невозможностью быстрого встраивания в новую культуру - аномия, кризисом духовных и религиозных ценностей, выражающемся в вольнодумстве, одной из форм которого можно назвать атеизм. В то же время вырабатывается некая утилитарная идея, утверждающая необходимость и назначающая цель смены старой культуры - как правило, это некая квазирелигиозная утилитарная идея (построение великого Государства при Петре I; благо народа для новой разночинной интеллигенции в 60-е годы XIX в.; построение нового справедливого общества для счастья народа после революции 1917 г.). Затем возникает потребность в духовной жизни - духовная жажда, которая не удовлетворяется приземленными утилитарными идеями, появляется разочарованность в них, ввиду невозможности их реального осуществления. Начинают распространяться мистические идеи разного толка, которые могут иметь самые разные источники - какие-то части христианства, буддизма, индуизма; теософию, астрологию и т.д. - возникает некий религиозный синкретизм. Но поскольку смесь разных истин в сумме истину не дает и любая эклектика поверхностна, верить во все - значит, не верить ни во что, то те, в ком есть потребность веры, возвращаются в историческую религию, в нашем случае - в православие. В контексте истории России это означает для людей, обладающих религиозным сознанием, возвращение в православную Церковь, для остальных в православную культуру, естественное развитие которой было прервано насильственным образом в начале XVIII в.

Приведенная схема не означает, что весь общественный слой, проходящий процесс секуляризации-европеизации, дружно идет в направлении православия. Значительная часть остается в безрелигиозной европейской культурной традиции. Как правило, процесс растянут во времени, и разные страты находятся на разных этапах общественного развития. Это общественная тенденция, которую можно увидеть в появлении проводников, тех, кто этот процесс начинает и распространяет в социуме. Существует значительное число людей религиозно равнодушных, не имеющих никаких духовных потребностей (такие были всегда и в обществах тотальной религиозности), и их число растет - сегодня это, в частности, люди распространившейся потребительской культуры. С другой стороны, - люди, оставшиеся в своем мировоззрении на каком-то из предыдущих этапов, или полностью включившиеся в другую культуру, другую конфессию.

В заключение об общем смысле циклизма рассмотренной проблемы. Циклическая концепция социальных перемен - старейшая в истории социальной мысли. П.А. Сорокин анализирует эту идею в "Обзоре циклических концепций социально-исторического процесса" (Со-

циол. исслед. № 12, 1998 г.) Одна из масштабных циклических концепций - социокультурная динамика самого Сорокина. Многие известные ученые согласны с тем, что религиозная основа служит определяющей характеристикой существующих цивилизаций, идентифицирует их, что мировые религии являются зародышами цивилизаций - систем, соединяющих этносы данного мирового региона в единое пространство. Число признанных цивилизационных центров ограничено, и пока православная цивилизация с центром в России, среди них. Роль России в будущем мире связана с существованием ее как центра цивилизации, имеющего своеобразие и специфику. Существовать в таком виде она будет до тех пор, пока будет себя идентифицировать как таковую, то есть, пока население России будет осознавать себя носителем этой цивилизации. Потеря идентификации будет означать гибель данной цивилизации, включение ее в другие существующие цивилизационные центры или подчинение им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана / История. Культура. Язык. М., 1993.
2. *Рябушинский П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. - Иерусалим, 1994.
3. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
4. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
5. Русское православие: вехи истории. М., 1989.
6. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. М., 1995.
7. *Самарин Ю.* Предисловие к первому изданию / *А.С. Хомяков.* Сочинения богословские. СПб., 1991.
8. *Семенкин Н.С.* Философия богоискательства. М., 1986.
9. *Карпович ММ.* Имперская Россия / *Г.В. Вернадский.* Московское Царство. Ч. 2. Тверь - М., 1994.
10. *Франк С.* Этика нигилизма / "Вехи". Сб. статей. М., 1989.
11. Русское православие: вехи истории. М., 1989.